

Я.В. ЕВСЕЕВА*

**КОНЦЕПЦИЯ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТРАЕКТОРИИ
ПРЕДШЕСТВУЮЩЕГО РАЗВИТИЯ: ОСНОВНЫЕ
ПОЛОЖЕНИЯ И КРИТИКА
Аналитический обзор¹**

Концепция зависимости от предшествующего развития (path dependence, ЗТПР) была разработана в экономической области Полом Дэвидом (Стэнфордский университет, США) [David, 1985; 2001; 2007] и Брайаном Артуром (Институт Санта-Фе, США) [Arthur, 1994]². Эти авторы известны прежде всего своим анализом адаптации технологических стандартов. Согласно Артуру, та или иная технология, будучи принятой, затем склонна к «самоусилению» (self-reinforcement). Это связано с тем, что по мере дальнейшего использования технологии наблюдается возрастающая отдача (increasing returns): чем больше производится продукции по данной технологии, тем ниже стоимость каждого следующего

* **Евсеева Ярослава Вячеславовна**, научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН, e-mail: yar_evseeva@mail.ru

Evseeva Yaroslava, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: yar_evseeva@mail.ru

¹ Аналитический обзор подготовлен в рамках исследовательского проекта «Исследование взаимоотношений власти и общества в России в ракурсе политической онтологии», осуществляемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-03-00008 а).

² Дж. Махони возводит анализ траектории (path analysis) к модели линейного причинного анализа (linear causal analysis) Г. Саймона и Г. Блейлока [Mahoney, 2000, p. 539].

продукта. Кроме того, облегчается обучение и возникают так называемые координационные эффекты (coordination effects): сетевое взаимодействие в рамках одних технологий увеличивает прибыль. Дэвид получил известность благодаря своим работам об экономике QWERTY [см., например: David, 1985]. По мнению исследователя, данная раскладка клавиатуры завоевала популярность именно потому, что обеспечивала возрастающую отдачу. Она позволяла набирать текст десятипальцевым методом и подходила многим пользователям. Вместе с тем, утверждает Дэвид, когда данная раскладка уже не была самой технологически продвинутой и удобной, большинство пользователей остались ей верны, поскольку переключение на другую технологию означало бы повышение затрат на обучение. Из данных исследований Артур и Дэвид делают следующие выводы. Заранее невозможно предсказать, какая именно технология возобладает, тем самым в начале процесса имеет место фактор случайности (contingency). Когда выбор сделан, в силу вступает самоусиление, и происходит блокировка траектории, ее своего рода «запирание» (lock-in), воспроизводящее один и тот же путь развития. Таким образом, «история имеет значение»¹ – это утверждение стало одним из ключевых постулатов ЗТПР.

Обладатель Нобелевской премии по экономике Дуглас Норт (1920–2015) распространил ЗТПР на общественные институты, поскольку, по его мнению, в их случае также действует фактор возрастающей отдачи [North, 1993]. Все обозначенные Б. Артуром принципы Норт считал применимыми к институтам. В последних он видел «правила игры» в обществе, «формирующую человеческое общение структуру», которая состоит из формальных правил и неформальных ограничений (поведенческие нормы, разного рода условности и кодекс поведения, который индивид возлагает на самого себя) [ibid., p. 36]. Притом что акторы стремятся к образованию и инновациям, они в то же время стараются снизить стоимость своих транзакций и затраты на обучение. В итоге следование привычной траектории является обычной практикой в обществе, где игра подчиняется институциональным «правилам». К тому же институты дополняют друг друга (образуется паутина «институциональной матрицы» [ibid.]), что уменьшает возможно-

¹ Дэвид пропагандировал направление, называемое им «исторической экономикой» [David, 2001].

сти для реформирования отдельных институтов. Исследования Норта открыли путь для адаптации идей ЗТПР в политическую науку и социологию.

Одним их первых это сделал политолог Пол Пирсон (Калифорнийский университет в Беркли, США) [Pierson, 2000]. С его точки зрения, ЗТПР характеризует политическую реальность даже в большей степени, нежели экономику. Согласно Пирсону, политические институты способствуют скоординированному поведению индивидов, за счет чего снижается стоимость сделок, в то время как преобразование институтов было бы сопряжено с высокими затратами. Кроме того, акторы могут использовать свою власть для еще большего усиления собственных властных позиций. Наконец, вследствие сложности и непрозрачности политики здесь труднее, нежели в экономической сфере, оценить потенциальный успех изменений, что затрудняет процесс институциональных реформ.

Наиболее формализованный вид концепция ЗТПР принимает в работах Джеймса Махони (Северо-Западный университет, г. Эванстон, США) [Mahoney, 2000, 2001; Mahoney, Schensul, 2006]. Все изучаемые им явления развиваются по одному сценарию, а именно: предшествующие условия (исторические факторы, определяющие доступные варианты и процессы выбора) → критический момент (выбор одной из нескольких альтернатив)¹ → структурная стабильность (производство и воспроизводство института или структурного паттерна) → реактивная последовательность (реакции и контрреакции, вызываемые институтом или структурным паттерном) → последствия (разрешение конфликта под влиянием реакций и контрреакций). Так, на материале смены

¹ Концепция «критических моментов» (critical junctures) была разработана, с опорой на работы С.М. Липсета и С. Роккана, Дэвидом Кольером и Рут Беринс Кольер (Калифорнийский университет в Беркли, США) [Collier R.V., Collier D., 1991]. Согласно Кольерам, в разных странах на определенном этапе имели место периоды, в которые происходили существенные перемены и которые оставляли значимое наследие в истории данных стран. Для развития «критического момента» должны сложиться некие предшествующие условия, затем возникает кризис, провоцирующий критический момент, по завершении чего остается наследие (legacy), которое оказывает свое влияние в течение большего или меньшего времени. Эмпирической базой для исследователей стали рабочее движение и смена режимов в Латинской Америке.

политических режимов в Центральной Америке в XIX–XX вв. [Mahoney, 2001] данная схема приобретает следующий вид: характер либерально-консервативного противостояния, уровень модернизации → выбор либералами радикальной либо реформистской политики → производство и воспроизводство радикального / реформистского / неразвитого (aborted) либерализма → демократические движения → формирование милитаристских авторитарных / демократических / традиционных диктаторских режимов.

Кэтлин Телен (Массачусетский технологический институт, г. Кембридж, США) задалась целью объединить свои исследования в области исторического институционализма с концепцией ЗТПР [Thelen, 1999; 2003]. Исследовательница не согласна с тем, что в данной концепции слишком большое значение отводится случайности и одновременно слишком велик удельный вес детерминизма. Она полагает, что теорию можно сделать проще и эффективнее, если просто изучать «механизмы воспроизводства» (reproduction mechanisms). К таковым будут относиться как процессы, усиливающие позиции того или иного института (носящие эндогенный характер), так и процессы, способствующие его разрушению (обычно экзогенные). Телен стремится решить одну из сложнейших проблем ЗТПР – проблему изменений (как же все-таки, несмотря на ЗТПР, возможны изменения). Она полагает, что изменения происходят постепенно, за счет двух процессов, обозначенных ею как «конверсия» (conversion) и «наслоение» (layering) [Thelen, 2003, p. 226–230]. Первый путь предполагает использование существующего института для решения новых задач и достижения новых целей. В рамках второго пути в ситуации невозможности прямого преобразования на существующий институт «наслаивается» новый. В результате траектория «старого» института будет меняться, и этот процесс либо укрепит существующий институт, либо со временем его разрушит¹.

¹ Ряд сторонников ЗТПР поддержали эти нововведения. Так, Тейлор Боас (Бостонский университет, США) раскрывает содержание данных концепций на примере Интернета [Boas, 2007]. Согласно данному автору, Интернет – это гибкая, постоянно эволюционирующая технология, которая позволяет добавлять новые характеристики поверх существующих протоколов, без замены или преобразования имеющихся секторов. Подобно этому политические акторы, скажем, предпочитают переориентировать существующие партии, нежели основывать новые. В то же время в среде исследователей, не относящих себя к апологетам

Еще в середине 1990-х годов, когда концепция ЗТПР находилась в процессе становления, ее критиковали экономисты Стивен Марголис (Университет штата Северная Каролина, г. Роли, США) и Стэн Либовиц (Техасский университет в Далласе, США) [см., например: Liebowitz, Margolis, 1998]. ЗТПР авторы описывают как модную идею. Они напоминают, что основывается она на концепциях, почерпнутых из других наук – теории хаоса в математике и физике и идее случайности в биологии (отбор черты и ее наследование). Тем не менее в экономической науке оказалось потеряно характерное для теории хаоса представление о перманентном отсутствии равновесия; на его место пришла идея «живучести» (persistence) не самых оптимальных (так называемых субоптимальных) продуктов, технологий и т.п. В противовес заявлениям Б. Артура и П. Дэвида, Марголис и Либовиц утверждают, что история всегда «имела значение» в экономической науке. Однако ЗТПР они считают сомнительным способом выражения этой мысли. Прежде всего, сложность представляет как отсутствие единого определения ЗТПР, так и разнородность содержательного наполнения данной концепции в работах разных авторов. Марголис и Либовиц выделяют несколько степеней ЗТПР и иллюстрируют их на примере гипотетического потребителя. «ЗТПР первой степени» указывает на базовый уровень стабильности той или иной системы, необходимый для ее поддержания. Например, индивид не меняет место жительства каждый раз, как меняются условия аренды. В ситуации «ЗТПР второй степени» индивид живет в купленном им доме, однако спустя несколько лет в его районе строят очистные сооружения – эту ошибку можно отнести на счет недостатка знания. «ЗТПР третьей степени» авторы описывают посредством примера, согласно которому индивид покупает дом, несмотря на то что ему известно о плане строительства по соседству очистных сооружений; тем самым ошибка не была неизбежной. Третья степень ЗТПР свидетельствует о том, что люди продолжают выбирать тот или иной продукт, использовать те или иные ус-

концепции ЗТПР, идеи Телен вызвали критику – прежде всего из-за того, что они уводят рассматриваемую концепцию слишком далеко от ее принципиальных оснований. В частности, Г. Шварц [Schwartz, 2004], полагает, что ЗТПР не может до бесконечности расширяться, включая в себя все новые объяснительные механизмы; кроме того, с его точки зрения, исторический институционализм нуждается скорее в микрологике.

луги и т.п., зная, что они не оптимальны. С точки зрения Марголиса и Либовица, в таком случае потребителям и предпринимателям отводится исключительно пассивная роль; за скобки выводятся торговые ассоциации и соглашения, реклама, влияние брендов и т.д. Что же касается превосходства раскладки Дворака и формата Betamax по отношению к клавиатуре QWERTY и видеокассетам VHS соответственно, то подобные утверждения представляются исследователям не более чем мифом. Клавиатура Дворака не давала значительного преимущества в наборе текста, а кассеты Betamax обладали серьезным недостатком, сводившим на нет все их потенциальное техническое совершенство: ввиду небольшого объема на них не помещался художественный фильм средней продолжительности, так что запись интересовавшего потребителей содержания оказывалась невозможной. В экономической области Марголис и Либовиц не находят подтверждения ЗТПР третьей степени; они предполагают, что в некоторых других сферах искусственно можно создать нечто подобное, но не считают, что существует целый класс подобных явлений, требующих отдельной теории.

Продолжили критическую линию статьи других авторов, как экономистов, так и представителей других общественных наук (историков, социологов, политологов), в их числе Эми Бриджес и Герман Шварц. Политолог из Калифорнийского университета в Сан-Диего (США) Эми Бриджес [Bridges, 2000] критикует базовый постулат концепции ЗТПР: в то время как сторонники данных идей из успеха, казалось бы, не самых совершенных с технологической точки зрения продуктов делают вывод о случайности подобных явлений, возможен и другой вывод, а именно тот, что производителей и покупателей заботит не одно лишь технологическое совершенство. Бриджес вообще не считает возможным перенос идей из экономической области в политическую науку (как в свое время Марголису и Либовицу не вполне адекватным представлялся перенос идеи из математики в экономическую науку); по ее мнению, ЗТПР в политологии мало что описывает, тем более объясняет. Исследовательницу удивляет, как легко П. Пирсон и его последователи заявляют о стабильности политических институтов; по ее мнению, факт стабильности нужно не принимать, а стараться объяснить (возможные причины: они обладают властными полномочиями, они создают рабочие места, они исполняют важные социальные функции и пр.). ЗТПР Бриджес называет сильной идеей,

однако она не видит в ней теорию общества, истории или политики¹. «История влияет», но не так, как предпочитают считать сторонники ЗТПР – в действительности имеет место историческая хронология и влияние предыдущих событий на последующие, а наибольшей важностью обладают отношения между социальными силами и политическими институтами.

Герман Шварц (Виргинский университет, г. Шарлотсвилль, США) призывает вместо данной концепции вновь обратиться к исследованиям механизмов, обеспечивающих, соответственно, стабильность и изменения [Schwartz, 2004]. С его точки зрения, эта концепция, объединяющая самые разнообразные явления, скорее затемняет, нежели проясняет понимание.

Все аргументы ЗТПР временные и институциональные, в то время как не все временные и институциональные аргументы обязательно имеют отношение к ЗТПР. В соответствии с концепцией ЗТПР траекторию задают так называемые исторические причины [Stinchcombe, 1968]², а «постоянные» причины далее ее воспроизводят. Однако, полагает Шварц, достаточно воспользоваться бритвой Оккама, чтобы понять, что в новых причинах нет необходимости, а на траекторию продолжают оказывать влияние первоначальные, исторические причины. Большие последствия вызываются крупными событиями, которые отнюдь не носят случайный характер. По Шварцу, масштаб причин и последствий в концепции ЗТПР оказывается несоизмеримым. Событие, признаваемое причиной (скажем, неподкованная лошадь, из-за которой прогибает целое королевство), извлекается из того социально-исторического контекста, в котором оно произошло. Вероятнее, пишет данный автор, случившееся стало следствием крупных структурных феноменов; мелкие события имеют значение лишь тогда, когда их делают значимыми структурные условия. Существенные причины оперируют на системном уровне.

Возрастающая отдача, продолжает Шварц, не является доминирующей чертой социально-политической жизни. Прибыль от вовлечения новых членов в ту или иную организацию (институт,

¹ Кстати говоря, для П. Дэвида ЗТПР – это «обозначение определенного класса динамических феноменов, а не теория, объясняющая, как себя ведут подобные системы» [David, 2007, p. 92], однако постепенно методологический статус концепции, определенно, повысился.

² Stinchcombe A. Constructing social theories. – N.Y.: Harcourt Brace, 1968.

группу и т.п.) не может повышаться до бесконечности. Когда ядро сформировано, стоимость вовлечения новых членов повышается, поскольку привлечь приходится все более далеких и все менее заинтересованных индивидов. Многие компании, давно существующие на рынке, при поддержке государства становятся монополиями, а также осуществляют политику, направленную на сохранение максимального числа работников (оплачиваемый отпуск по болезни, продлеваемые контракты со внештатными сотрудниками и т.п.). Партии, долго находящиеся у власти, в итоге сливаются с государством. Даже с экономической точки зрения ресурсы не могут вечно находиться в изобилии; рано или поздно они будут исчерпаны. (Шварц также придерживается мнения, что реактивные последовательности Дж. Махони, которые описывают не что иное, как последовательность событий, невозможно объяснить возрастающей отдачей, однако их можно объяснить отдачей снижающейся).

Исторический институционализм сопрягается с ЗТПР, поскольку институты становятся основным фактором, препятствующим изменениям. В чем же тогда, вопрошает Шварц, состоит источник перемен? Кроме того – почему именно институты обеспечивают стабильность системы (если индивиды в своих расчетах ориентируются на все повышающуюся отдачу, данное положение вещей носит в том числе и агентный характер)? В том случае если источник изменений находится в другом институте, то каким образом происходят изменения в том другом институте? Скорее индивиды будут стараться преодолеть снижение отдачи и вновь добиться ее повышения, а значит – будут стремиться к положительным для себя переменам. К тому же еще Бергер и Лукман указали на следующее немаловажное препятствие следованию привычной траектории развития [Berger, Luckmann, 1967]. Власть тем мощнее, чем она неопределеннее, и вследствие этой непрозрачности власти не только нарушается трансляция знания от поколения поколению, но и формируется основа для манипуляции социальными реальностями. А устойчивость институтов, в той мере, в какой она имеет место, проистекает не из все возрастающей отдачи, а из усилий, предпринимаемых властью для собственного сохранения.

В итоге концепция ЗТПР представляется Шварцу либо в корне неверной, либо неоправданно широкой. В частности, он не

видит оснований для того, чтобы подменять ЗТПР веберовскую историю развития либо называть диалектику Маркса «реактивными последовательностями». Важно находить и описывать механизмы, лежащие в основе тех или иных процессов, а не подводить под них теорию – в частности, такую, как ЗТПР.

Различные авторы, не отрицая ЗТПР в целом, подвергли сомнению ее применимость к тем или иным явлениям. Например, Джерард Александер (Виргинский университет, г. Шарлотсвилль, США) не считает возможным описание в категориях ЗТПР формальных политических институтов (которые, правда, составляют значительную часть всех политических институтов) [Alexander, 2001]¹. Александер рассматривает функционирование партийных систем и смену властных режимов в странах Европы, Северной и Южной Америки. Он, в частности, пишет, что, хотя крупные изменения в системах выборов и переход от президентской к парламентской республике достаточно редки, они все же больше распространены, чем предполагает идея блокировки траектории. Менее радикальные изменения происходят чаще, например, в демократиях третьей волны (Польше, России, Аргентине, Бразилии и др.). В ряде стран, скажем, в США, то, что выглядит как поддержание статус-кво, на самом деле таит в себе перемены: приход к власти другой партии сопряжен с изменениями при сохранении номинальных форм. Еще чаще делаются попытки внести изменения, которые по тем или иным причинам не достигают результата. Если бы формальные институты, делает вывод Александер, следовали ЗТПР, изменения происходили бы лишь в результате экзогенных потрясений (как тогда, когда после Второй мировой войны европейские демократии переписали свои конституции). Согласно концепции ЗТПР, изменения связаны с финансовыми и другими потерями, в то время как следование траектории обеспечивает возрастающую отдачу. Однако по мнению Александера, такой взгляд недооценивает стремление индивидов к краткосрочной выгоде, подчас в ущерб долгосрочным перспективам; электоральные изменения также несут в себе свои выгоды. Изучая ряд случаев из

¹ Еще Д. Норт писал, что формальные институты значительно проще преобразовать извне, нежели принятые в обществе нормы и ценности. В итоге и революционные преобразования оказываются в действительности менее революционными, чем гласит их название [North, 1993, p. 38].

европейской истории, исследователь отмечает, что консервативные силы во Франции в 1870–1871 гг., в Англии в 1900–1927 гг. и в Испании в 1931–1936 гг. отнюдь не ощущали себя в безопасности перед наступлением левого лагеря; когда в 1951 г. тори вернулись в офис, они знали, что малейшее колебание электорального поведения вернет власть лейбористам. За демократической консолидацией в Бельгии, Франции, Испании и Великобритании последовала деволуция. Приведенные примеры в недостаточной мере согласуются с идеями ЗТПР, чтобы их можно было использовать в качестве объяснительной модели для анализа данных политических институтов.

Исследуя идеи ЗТПР в конце 2000-х годов, по итогам их более чем 20-летней истории, Томас Риксен (Бамбергский университет, Германия) и Лора Виола (Свободный университет Берлина, Германия) по-прежнему имеют дело с принципиальной неоднозначностью понятия «зависимость от траектории предшествующего развития» и прослеживают, как различные авторы «растягивали» данную концепцию [Rixen, Viola, 2009]¹. Имеет место явление, которое Риксен и Виола обозначают как «гипердиагностика институциональной ЗТПР» [ibid., p. 1]. Когда исследователи выбирают ЗТПР в качестве объяснительной модели, они искусственным образом сужают спектр доступных интерпретаций изменений / стабильности. Теоретики постепенно расширяли эмпирическое пространство, в котором применяется данное понятие, а также вводили все новые теоретические механизмы для объяснения случаев, воспринимаемых ими как случаи ЗТПР. Первым расширением было распространение ЗТПР на институты, за чем последовала адаптация в область политической науки. Дальнейшему расширению способствовали исследования К. Телен, проложившие путь к примирению ЗТПР и изменений, которые всегда представляли собой один из проблемных аспектов данной концепции, однако, по мнению Риксена и Виолы, конверсия и «наслоение» – это уже процессы, противоположные ЗТПР, а не ее подвиды. Эти авторы полагают, что в будущем исследователям следует уделять больше внимания проблеме изменений, в частности каким образом можно

¹ Против этого в свое время выступал П. Пирсон [Pierson, 2000], однако это стало принципиальной чертой рассуждений о ЗТПР, и, как демонстрирует исследование Риксена и Виолы, он сам этому способствовал.

соотнести экзогенные и эндогенные изменения, оставаясь при этом в рамках концепции ЗТПР.

Своя доля критики идей ЗТПР последовала со стороны социологии организаций. Поскольку специалисты в этой области занимаются микроуровнем социальных процессов, то можно предположить, что они отдают предпочтение агентности перед структурой. В 2010 г. «*Journal of management studies*» в специализированном разделе опубликовал две статьи, представляющие разные взгляды на данную тему. Жан-Филипп Вернь (Школа бизнеса им. Ричарда Айви Университета Западного Онтарио, г. Лондон, Канада) и Родольф Дюран (Высшая школа коммерции, Париж-I, Франция) стремятся найти практическое применение для идей ЗТПР [Vergne, Durand, 2010]. Спускаясь с макроуровня институтов и мезоуровня технологий, они анализируют основные положения теории ЗТПР на предмет их применимости на микроуровне организаций. Прежде всего, спорным исследователям представляется представление о случайности события, задающего траекторию развития. Основываясь на эмпирическом опыте, они утверждают, что такие ключевые для последующего развития события, как неуспех фирмы или отставка гендиректора, отнюдь не случайны, а обусловлены рядом, в том числе структурных, причин. Подобно этому, в реальных жизненных ситуациях (в отличие от формальных абстрактных моделей) покупатели выбирают тот или иной продукт не случайно, а в результате комбинации факторов (дизайн, технические характеристики, репутация производителя и т.п.). Кроме того, неприятие авторов вызывает фактическая непроверяемость и недоступность для эмпирического наблюдения феноменов, описываемых в терминах ЗТПР: то, что определенное явление оказалось зафиксировано в виде паттерна, можно констатировать лишь постфактум. В будущем Вернь и Дюран предлагают использовать для проверки ЗТПР такие стратегии, как компьютерное моделирование, экспериментальная методика и контрафактические исследования. Первая стратегия позволит оценить вероятность ЗТПР на основе ряда изначальных условий; это будет исследование того, что может произойти, а не того, что уже произошло. Вторая стратегия представляет собой лабораторный эксперимент с участием малых групп. В рамках третьей стратегии исследователи задают вопросы типа: «Что если...?» и определяют стабильность отношений между различными событиями.

В свою очередь, Рагху Гаруд (Бизнес-колледж им. Фрэнка Смита Пенсильванского университета, г. Филадельфия, США), Арун Кумарасвани (Пенсильванский университет в Уэст-Честере, США) и Петер Карнёз (Ольборгский университет, Дания) вместо концепции зависимости от траектории предшествующего развития (path dependence) предлагают идею создания траектории развития (path creation) [Garud, Kumaraswamy, Karnøe, 2010]. С этой точки зрения изначальные условия отнюдь не предопределены, задающие траекторию события видятся не чем иным, как текущими контекстами действия, механизмы, способствующие воспроизводству траектории, – это следствие стратегических манипуляций акторов, а «запирание» паттерна – лишь временная стабилизация развивающейся траектории. В отличие от фаталистских и «геройских» определений агентности, авторы, следуя Б. Чарнявской [Czarniawska, 2008], понимают агентность как результат взаимодействий акторов и артефактов, образующих сети действия. Подобно Верню и Дюрану, Гаруд и коллеги полагают, что невозможно доказать случайный характер того или иного определяющего события. Так, открытие побочного действия гипотензивных препаратов в виде повышения потенции может считаться случайностью, как утверждают некоторые авторы [см., например: De Rond, Thietart, 2007], либо следствием таланта, проницательности и работоспособности сотрудников фирмы «Pfizer». Акторы не обязаны принимать то или иное положение дел как должное, безропотно следуя определенной траектории. Что касается механизмов воспроизводства и «запирания» траектории, то здесь авторы приводят примеры, демонстрирующие, как продукты оставались лидерами на рынке благодаря сговору и другим формам нерыночного поведения производителей. Политики могут вмешаться в ситуацию и «отпереть» траекторию; в практику может быть включена система сдержек и противовесов, с тем чтобы подобной блокировки пути вообще не произошло. Наконец, задаются вопросом авторы, как вообще отличить «экзогенный шок» от случайного события и как определить, что имеет место блокировка траектории – иными словами, что нынешнее положение установилось надолго? По их мнению, ответ будет зависеть от точки зрения исследователя, оттого даже описанные Вернем и Дюраном стратегии не могут считаться надежным средством проверки ЗТПР. Гаруд, Кумарасвани и Карнёз предлагают альтернативную концепцию – создание траектории.

В тех условиях, в которых они пребывают, акторы будут находить возможности для стратегических изменений. Исследователи же, изучая нарративы, планы, проекты подлинных деятелей, будут в реальном времени анализировать не уже сложившиеся, а только складывающиеся пути развития.

Таким образом, мы можем наблюдать, что в зависимости от точки зрения и исследовательской позиции (в особенности если отдается предпочтение агентности перед структурой) тот или иной автор может разделять либо не разделять идеи ЗТПР. Кроме того, данные идеи были на пике научной моды в 1990-х – начале 2000-х годов; все важные и ставшие классическими работы на данную тему были написаны не позже первой половины 2000-х годов. Далее раскрывались частные случаи, приводились отдельные примеры¹, и при этом разрасталась критическая литература. Большая часть работ 2000-х годов – это критические статьи; в некоторых из них признается определенный потенциал идей ЗТПР, который необходимо развивать, авторы других высказывают принципиальное несогласие с рассматриваемыми идеями и отказывают им в каких-либо значимых перспективах.

* * *

В середине 1990-х годов первые переводы исследований, освещающих вопросы ЗТПР, появились в России – прежде всего, это были работы Д. Норта, а затем и других авторов. В отечественной науке данная проблематика заинтересовала в первую очередь экономистов; среди пионеров исследований ЗТПР в России можно назвать В.М. Полтеровича, Р.М. Нуреева, Ю.В. Латова, В.В. Вольчика, С.В. Циреля, Р.И. Капелюшникова. Пик теоретического осмысле-

¹ Скажем, Арт Карден (Университет Вашингтона в Сент-Луисе, США) иллюстрирует ЗТПР таким примером, как Реконструкция Юга после Гражданской войны в США: на фоне стремительно развивавшегося Севера, находившегося в авангарде с экономической, политической, социокультурной точек зрения, Юг по-прежнему пребывал под властью консервативных расистских институтов и соответствующих моральных норм и социальных отношений, что в итоге вылилось в поддерживаемую местными властями практику линчевания и законодательно оформленную сегрегацию, а также длительную экономическую отсталость [Carden, 2009].

ния данных вопросов пришелся на вторую половину 2000-х годов. Весной 2005 г. под эгидой НИУ ВШЭ была проведена, вкупе с очным симпозиумом, интернет-конференция «20 лет исследования QWERTY-эффектов и зависимости от предшествующего развития», призванная стимулировать изучение ЗТПР в России [20 лет исследования QWERTY-эффектов... 2005]. Среди рассматривавшихся вопросов – зависимость от предшествующего развития в свете экономической теории, социально-экономическая история России и институциональные ловушки¹, точки бифуркации и альтернативная история. Еще экономисты привлекли внимание к близости проблематики ЗТПР «вечным вопросам» российской истории. По словам Р.М. Нуреева (НИУ ВШЭ, Москва) и Ю.В. Латова (РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва), «проблема path dependence – это один из “русских вопросов”, над которыми наши интеллектуалы размышляют не один век... Суть проблемы path dependence можно выразить вопросом: почему в конкуренции институтов довольно часто “плохие” институты (нормы, стандарты) побеждают “хорошие”? Эта проблема вбирает в себя анализ и устойчивой российской самобытности, и неудач попыток отказаться от нее в пользу кажущейся более эффективной системы социально-экономических институтов» [Нуреев, Латов, 2007, с. 231].

Постепенно к дискуссии о ЗТПР вслед за экономистами присоединились и другие социальные ученые. В 2008 г. увидела свет социально-философская диссертация Е.В. Сусименко (Южно-Российский государственный политехнический университет

¹ Согласно В.М. Полтеровичу (ЦЭМИ РАН, Москва), теоретизировавшему данный феномен, у институциональных ловушек, под которыми он имеет в виду явление, близкое блокировке траектории Артура и Дэвида, есть как негативные, так и позитивные аспекты. С одной стороны, «запирание» траектории способствует поддержанию институциональной стабильности, с другой – оно может привести к разрушению института [Полтерович, 1999]. Полтерович приводит пример бартерных расчетов в России в 1990-е годы, которые решали проблемы неэффективных предприятий, но при этом практически парализовали экономику страны, выведенную из этого состояния лишь дефолтом 1998 г. На указанной интернет-конференции Е.В. Балацкий (ЦЭМИ РАН, Москва) сделал доклад на тему: «“Диссертационная ловушка” в экономической науке» [20 лет исследования QWERTY-эффектов... 2005]. Согласно исследователю, написание диссертаций на заказ материально поддерживает ученых в ситуации недофинансирования научной отрасли, но в то же время девальвирует научные степени и всю российскую науку в целом.

им. М.И. Платова, г. Новочеркасск) на соискание ученой степени доктора философских наук «Феномен пат-зависимости в процессе институциональных изменений» [Сусименко, 2008]. По мнению данного автора, «уже в середине 1990-х годов стало ясно, что в России под видом реформ воспроизводятся свойства советского прошлого: связь власти-собственности и появление новых социальных групп на основе ее передела... всевластие бюрократии... зависимость социальной жизни от властных решений... Предположительно, институциональное разложение советской системы подавляется природой советского человека, для которой характерен традиционализм, а не продуктивные и инновационные способности» [Сусименко, 2008, с. 3–4]. Как указывает Сусименко, некоторые отечественные ученые используют концепцию ЗТПР для описания и в целом негативной оценки таких основополагающих структур российского общества, как авторитарная система правления, редистрибутивная экономика, коллективистские традиции; для других это скорее аргумент в пользу централизованной государственной экономики, так как рынок и конкуренция не гарантируют выбора самого эффективного варианта [Сусименко, 2008, с. 12]. Своего рода промежуточный итог исследованиям ЗТПР подводит работа В.И. Казаковой (Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева) «Концептуализация “path dependence” в современной социальной науке» [Казакова, 2012]. Согласно автору статьи, вопрос о том, «почему “плохие” технологии могут доминировать над “хорошими”», «довольно быстро сменился более широкой постановкой проблемы иррационального развития социальных институтов, а само словосочетание “path dependence” стало четко ассоциироваться с постсоциалистическим развитием и российской модернизацией» [Казакова, 2012, с. 8] – в представлении как отечественных, так и западных исследователей. Сквозь призму ЗТПР Казакова рассматривает такие феномены, как социальное время, граница, рациональный выбор, повседневность. В 2010-е годы публикуются частные эмпирические исследования, в которых, правда, концепция ЗТПР часто используется в значении простого наследования прошлому (против чего в свое время выступали западные теоретики, но чего не всем из них удалось избежать) или даже в значении аналогии с имевшими место в прошлом процессами [см., например: Курочкин, 2016]. В какой-то степени концепция ЗТПР стала

уже общим местом; в то же время в обществе нарастает убежденность, что российские институты вообще трудно поддаются преобразованию и после периода модернизации наступает откат к привычному состоянию. Так что, возможно, требуется (новая) концептуализация ЗТПР отечественными политологами и социологами с целью прояснения потенциала этих идей для исследования российского контекста в его социально-политической специфике.

Список литературы

- 20 лет исследования QWERTY-эффектов и зависимости от предшествующего развития: Интернет-конференция // Экономика. Социология. Менеджмент: Федеральный образовательный портал. – М., 2005. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/iconf/16213021/> (Дата посещения: 17.05.2017.)
- Казакова В.И. Концептуализация «path dependence» в современной социальной науке // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. – Нижний Новгород, 2012. – № 3. – С. 6–16.
- Курочкин А.В. Траектория предшествующего развития как фактор правовой институционализации современных российских партий // Международный научно-исследовательский журнал. – Екатеринбург, 2016. – № 12, ч. 4. – С. 163–165.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Что такое зависимость от предшествующего развития и как ее изучают российские экономисты // Истоки: Из опыта изучения экономики как структуры и процесса: Альманах. – М., 2007. – Вып. 6. – С. 228–255.
- Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. – М., 1999. – Т. 35, № 2. – С. 3–20.
- Сусименко Е.В. Феномен пат-зависимости в процессе институциональных изменений: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону, 2008. – 52 с.
- Alexander G. Institutions, path dependence and democratic consolidation // Journal of theoretical politics. – L.; Thousand Oaks, CA, 2001. – Vol. 13, N 3. – P. 249–270.
- Arthur W.B. Increasing returns and path dependence in the economy. – Ann Arbor: Univ. of Michigan press, 1994. – xx, 201 p.
- Berger P., Luckmann Th. Social construction of reality. – N.Y.: Doubleday, 1967. – 467 p.
- Boas T.C. Conceptualizing continuity and change // Journal of theoretical politics. – L.; Thousand Oaks, CA, 2007. – Vol. 19, N 1. – P. 33–54.
- Bridges A. Path dependence, sequence, history, theory // Studies in American political development. – Cambridge, 2000. – Vol. 14, N 1. – P. 109–112.
- Carden A. Inputs and institutions as conservative elements // Review of Austrian economics. – Boston, 2009. – Vol. 22, N 1. – P. 1–19.
- Collier R.B., Collier D. Framework: Critical junctures and historical legacies // Collier R.B., Collier D. Shaping the political arena: Critical junctures, the labor move-

- ment and regime dynamics in Latin America. – Princeton, NJ: Princeton univ. press, 1991. – P. 27–39.
- Czarniawska B.* A theory of organizing. – Cheltenham: Elgar, 2008. – 176 p.
- David P.A.* Clio and the economics of QWERTY // *American economic rev.* – Pittsburgh. – PA, 1985. – Vol. 75, N 2. – P. 332–337.
- David P.A.* Path dependence, its critics and the quest for «historical economics» // *Evolution and path dependence in economic ideas: Past and present* / Ed. by P. Garrouste, S. Ioannides. – Cheltenham: Elgar, 2001. – Ch. 2. – P. 15–40.
- David P.A.* Path dependence: A foundational concept for historical social science // *Cliometrica.* – Boston; N.Y., 2007. – Vol. 1, N 2. – P. 91–114.
- De Rond M., Thietart R.-A.* Choice, chance and inevitability in strategy // *Strategic management journal.* – Hoboken, NJ, 2007. – Vol. 28, N 5. – P. 535–551.
- Garud R., Kumaraswamy A., Karnøe P.* Path dependence or path creation? // *J. of management studies.* – Hoboken, NJ, 2010. – Vol. 47, N 4. – P. 760–774.
- Liebowitz S.J., Margolis S.E.* Path dependence // *The new Palgrave dictionary of economics and law* / Ed. by P. Newman. – L.: Macmillan, 1998. – P. 17–23.
- Mahoney J.* Path dependence in historical sociology // *Theory and society.* – Boston; Dordrecht, 2000. – Vol. 29, N. 4. – P. 507–548.
- Mahoney J.* Path-dependent explanations of regime change: Central America in comparative perspective // *Studies in comparative international development.* – Boston; N.Y., 2001. – Vol. 36, N 1. – P. 111–141.
- Mahoney J., Schensul D.* Historical context and path dependence // *The Oxford handbook of contextual political analysis* / Ed. by R.E. Goodin, Ch. Tilly. – Oxford: Oxford univ. press, 2006. – Ch. 24. – P. 454–471.
- North D.C.* Institutional change: A framework of analysis // *Institutional change: Theory and empirical findings* / Ed. by S.-E. Sjöstrand. – N.Y.: Sharpe, 1993. – P. 35–46.
- Pierson P.* Increasing returns, path dependence and the study of politics // *American political science review.* – Cambridge, 2000. – Vol. 94, N 2. – P. 251–267.
- Rixen T., Viola L.* Uses and abuses of the concept of path dependence: Notes toward a clearer theory of institutional change // *International summer school on the logic of self-reinforcing processes in organizations, networks and markets.* – B.: Freie Universität Berlin, 2009. – 13–17 July. – P. 1–27.
- Schwartz H.* Path dependence, increasing returns and historical institutionalism: Unpublished manuscript. – 2004. – Mode of access: <http://people.virginia.edu/~hms2f/Path.pdf> (Accessed: 23.11.2016.)
- Stinchcombe A.* Constructing social theories. – N.Y.: Harcourt Brace, 1968. – 303 p.
- Thelen K.* Historical institutionalism in comparative politics // *Annual rev. of political science.* – Palo Alto, CA, 1999. – Vol. 2. – P. 369–404.
- Thelen K.* How institutions evolve: Insights from comparative historical analysis // *Comparative historical analysis in the social sciences* / Ed. by J. Mahoney, D. Rueschemeyer. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2003. – P. 208–240.
- Vergne J.P., Durand R.* The missing link between the theory and empirics of path dependence // *Journal of management studies.* – Hoboken, NJ, 2010. – Vol. 47, N 4. – P. 736–759.